

12 февраля 2026 года партия «Сильная Армения» проводит учредительный съезд с объявлением кандидата в премьер-министры, которым по планам должен оказаться Самвел Карапетян. Конституция Армении требует, чтобы кандидат в премьеры был исключительно гражданином страны и постоянно в ней проживал. Карапетян не соответствует ни одному из условий. Сторонники обещают изменить конституцию после прихода к власти.

Эта записка не о шансах Карапетяна на выборах. Оно о том, почему занятая им позиция уничтожает своего носителя при любом исходе, почему проигрыш стоит дороже, чем можно заработать при победе, и почему очевидный выход из ловушки не был предложен, хотя пока может быть использован.

I. Пять неизбежных следствий

Заявка Карапетяна на пост премьер-министра запускает цепочку последствий, каждое из которых предсказуемо с высокой степенью достоверности.

1. Фреймирование как «прямое вмешательство России в выборы». Российский миллиардер, чьи активы находятся под российской юрисдикцией, чья кандидатура поддерживается российскими государственными медиа (Соловьёв, Симоньян — оба публично выступили в защиту Карапетяна, что вызвало ноту протеста МИД Армении)— автоматически воспринимается как проект Кремля. Неважно, является ли он им в действительности. Достаточно, что конструкция идеально ложится в готовый нарратив. Аналитики уже предлагают переименовать партию в «Сильную Российскую Армению» — «так, по крайней мере, будет честнее».

2. Западная помощь Армении по модели «более молдавской, чем Молдавия». ЕС уже выделил €15 млн на «укрепление устойчивости» перед выборами, открыто увязав это с противодействием российскому влиянию. Кая Каллас ссылается на молдавский прецедент. В мае 2026 Ереван принимает саммит Европейского политического сообщества — за месяц до голосования. Заявка Карапетяна на премьерство превращает армянские выборы в геополитический полигон: мониторинг, техническая помощь ЦИК, контр-дезинформационные программы, финансирование «гражданского общества» — весь инструментарий, отработанный в Молдавии, будет развёрнут с удвоенной интенсивностью, потому что Молдавия была первым опытом, а Армения — вторым, с учётом ошибок.

3. Раскол диаспоры. Армянские диаспоральные организации — ANCA, Armenian Assembly, структуры в Европе — в значительной части антипашиняновские. Но одно дело поддерживать из Калифорнии или Парижа «защиту церкви» и «политического заключённого», другое — поддерживать кандидата, которого мировые медиа маркируют как «номинала Путина». Для диаспорального армянина в США или Франции репутационная цена ассоциации с прямым «российским проектом» несопоставима с ценой поддержки абстрактной «борьбы за церковь». Диаспора раскалывается не по линии «за/против Пашиняна», а по линии «готов/не готов ассоциироваться с Россией». Это новый и более глубокий разлом.

4. Санкционные списки. Включение Карапетяна и структур «Ташира» в санкционный список ЕС — вероятность близкая к 100%: прецедентная база по санкциям против «агентов российского влияния» в контексте выборов уже создана молдавским и грузинским кейсами. Включение в санкционный список США — вероятность порядка 70%: здесь работает фактор части республиканского истеблишмента, для которых нарратив «преследование христиан» политически значим, что создаёт

внутриамериканское сопротивление санкциям. Но Госдеп и европейские структуры действуют по собственной логике, и эта логика — против.

5. Непризнание конституционных изменений. Если «Сильная Армения» реализует заявленный сценарий — приход к власти, затем изменение конституции для снятия ограничений для своего лидера — с подавляющей вероятностью Запад откажет в признании легитимности как конституционных поправок, так и самого Карапетяна в качестве главы правительства. Конституционная реформа под конкретного человека — это красная линия, за которой стоят прецеденты Путина-2020 и Лукашенко: прямо заявленный автократический сценарий, с автоматическими последствиями в виде санкций уже не только против человека, но против страны. Последствия для страны — замораживание процесса сближения с ЕС (с финансовыми и политическими последствиями), приостановка визовой либерализации, пересмотр хартии стратегического партнёрства с США (с последствиями в сфере безопасности).

Все пять следствий абсолютно очевидны и прогнозируемы заранее. Именно поэтому каждое из них будет использовано Пашиняном в качестве предвыборной аргументации до того, как реализуется. Не нужно ждать санкций — достаточно сказать: «Вот что произойдёт, если вы проголосуете за этого человека».

II. Конструкция ловушки

Несовместимость активов

У Карапетяна два актива: капитал (Россия) и легитимность «бизнесмена и благотворителя» (Армения). Тридцать лет они были вполне совместимы, сообщая ему уникальный статус сразу в двух странах. Личная политическая заявка создает риски тоже в двух странах.

Пророссийский вектор сохраняет «Ташир» и электоральную базу, но гарантирует западные санкции и экономическую проблемы Армении. Страна без общей границы с Россией не может воспроизвести даже белорусскую модель в полной мере.

Прозападный вектор теоретически снимает санкционный риск, но уничтожает «Ташир».

Балансирование невозможно. В отличие от профессионального политика, Карапетян физически привязан к одной стороне \$3,2 млрд активов под российской юрисдикцией. Нельзя быть «договороспособным для всех», стоя одной ногой в сейфе одного из игроков. Можно «хотеть» быть таковым и «заявлять» об этом — но право принять или не принять такую заявку и пересмотреть принятие в произвольный момент времени остается за игроками, что делает главу Армении заложником ситуации.

Асимметрия ставок

Ключевая проблема не в том, что Карапетян может проиграть. А в том, что проигрыш стоит несопоставимо дороже, чем может принести победа.

Цена проигрыша конкретна и необратима: уголовный приговор в Армении, потеря армянских активов», западные санкции (персональные и против структур «Ташира»), закрытие кипрской юрисдикции, через которую велась защита активов в Стокгольмском арбитраже. Из человека с глобальной свободой манёвра — в «русского олигарха под

санкциями», то есть в человека, чей периметр жизни ограничен Россией и несколькими дружественными ей юрисдикциями.

Выигрыш при победе абстрактен и ограничен. Премьер парламентской республики с населением 2,8 млн, без армии, с оккупированными территориями, со 120 000 беженцев, с торговым оборотом с Россией, который к тому же падает. Замороженное западное финансирование, отложенная визовая либерализация, закрытая европейская перспектива. Всё, что в Армении пойдёт не так по объективным причинам, будет автоматически атрибутировано «олигарху из России» и самой России. Это не риск — это гарантия.

Угроза российским активам максимальна в обоих сценариях. При поражении — Кремль списывает неудачный инструмент. При победе — если Карапетян ведёт себя недостаточно лояльно (а он будет вынужден, потому что чистая пророссийская линия экономически нежизнеспособна), Москва использует «Гашир» как рычаг давления.

Ставка — всё. Максимальный выигрыш — кратно меньше входной ставки. Это не политический расчёт. Это сесть играть в преферанс с незнакомцами на сочинском пляже.

III. Выход, который не был использован

Модель митигации рисков элементарна — Бидзина Иванишвили в Грузии. Не кандидат, а демиург. Не претендент на пост, а человек, который создаёт кандидатов. Один абзац решал всё:

«Я не политик. Я строитель, благотворитель, человек церкви. Я готов поддержать — именем, опытом, ресурсами — тех, кто возьмёт ответственность. Того кто обещает выполнять мою программу. Пусть народ решит, кто это будет».

Это снимало одновременно: конституционную проблему (не нужно менять конституцию), санкционный риск (частное лицо — иной юридический статус), угрозу «Гаширу» (бизнесмен поддерживает гражданское общество, а не «посланный Путиным» олигарх идёт во власть), электоральную уязвимость (демиурга нельзя критиковать за биографию и гражданство), коалиционную логику (зонтичная структура вместо именного монопроекта одного человека).

IV. Почему этого не делается

1. Точка невозврата пройдена

После ареста, создания движения «По-своему», регистрации партии и программы «5 шагов Самвела Карапетяна к Сильной Армении» — даже название привязано к имени — вся конструкция выстроена вокруг личной кандидатуры. Публичная логика движения часто загоняет в угол раньше, чем лидер успел осознать, что это угол.

2. Бизнес-логика за пределами её компетенции

Десятилетия лидер принимал решения лично и лично контролировал результат. Модель Иванишвили требует обратного: доверять, делегировать, терпеть чужие ошибки, управлять через не прямое влияние. Это принципиально другая компетенция. Бизнесмены, привыкшие к прямому контролю, ею почти никогда не владеют.

3. Информационная изоляция

Человек под домашним арестом получает информацию через 2-3 доверенных лица. Окружение материально заинтересовано в продолжении проекта в его текущем виде. Не потому что они лгуны или манипуляторы, а потому что их карьеры, гонорары и статус привязаны к масштабу заявки. Никто из них не выигрывает от понижения ставок. Отдельный фактор — челночная дипломатия: в Москве могут говорить «он видит только себя», ему могут передавать «Москва поддерживает только тебя». Ни одну из этих позиций невозможно верифицировать.

4. Культура патронажа

Карапетян — не просто бизнесмен, а патрон: человек, назвавший компанию в честь компании, финансировавший реставрацию Эчмиадзинского собора, получавший ордена от Католикоса. В этой системе координат «уступить первое место» — признак слабости, а не мудрости. Пашипян это понимает и намеренно провоцирует: «это вам не деревня в Калуге» — удар не по позиции, а по статусу.

5. Взаимное усиление факторов

Ни один из перечисленных факторов не является достаточным сам по себе. Вместе они создают самоподдерживающуюся систему: точка невозврата исключает отступление, бизнес-логика — не прямое управление, изоляция — альтернативную информацию, культура патронажа — «уступку». Каждый фактор укрепляет остальные.

Проблема в том, что выбранная форма — личная кандидатура — максимизирует риски вместо того, чтобы их снижать.

Заключение

Проективный анализ ситуации Карапетяна сводится к четырем утверждениям.

Первое: позиция, которую ему предлагают занять, возможно не существует на карте. Нет конфигурации, в которой прямо связанный с российской властью миллиардер с российским гражданством и активами под российской юрисдикцией может быть жизнеспособным главой правительства страны, продуктивно партнерствующей с ЕС и США и находящейся под угрозой со стороны Турции и Азербайджана.

Второе: проигрыш стоит дороже, чем может принести победа. При поражении — приговор, санкции, потеря активов, сужение жизненного пространства до российского периметра. При победе — наследование нерешаемых проблем, экономическая изоляция, угроза российским активам при любом отклонении от линии Кремля. Ставка — всё; максимальный выигрыш — меньше входной ставки.

Третье: выход был и остаётся технически доступным — модель демиурга вместо модели кандидата. Но совокупность факторов делает этот выход сложно достижимым.

Четвертое. Все внешние и внутренние игроки переживут любой исход. Необратимые последствия сконцентрированы на одном субъекте.